StarCraft II
Legacy of the Void™
BLIZZARD
ENTERTAINMENT

BLIZZARD ENTERTAINMENT

И все поглотит пламя...

Роберт Брукс

Часть первая

Команды обоих материнских кораблей были обречены.

Рохана и ее сестры понимали это так же ясно, как и члены экипажей, хотя они находились за триллионы километров друг от друга. Наступившее смятение выявило самые сильные чувства. *Отчаяние. Шок.* Все должно было пойти совсем не так. Происходящее казалось невозможным. «Нам уготована совсем другая судьба!» — воззвал хор сердец. Рохана ясно чувствовала это.

Гравитация неумолимо тянула их к смерти. Это Рохана тоже ощущала.

В беду корабли попали внезапно. Кайдариновый кристалл — главный источник энергии — треснул, и в результате один из двигателей заглох. Корабль еще не вышел на орбиту нейтронной звезды, поэтому стал падать на нее. К нему присоединился второй материнский корабль — его капитан надеялся, что мощности двигателей хватит на то, чтобы увести оба корабля подальше от звезды. Этот план сработал. Вместе они направились к стабильной орбите.

Эти мгновения были самыми напряженными. *Гордость. Возбуждение.* Восемь тысяч четыреста шестьдесят три члена экипажей одновременно испытывали эти эмоции, радуясь находчивости и храбрости второго капитана.

А затем произошло невозможное.

Кристалл второго корабля тоже потускнел. *Страх. Неверие.* Два кайдариновых кристалла вышли из строя одновременно — немыслимо! Они же были изготовлены с помощью таких прецизионных технологий! С тех пор как Перворожденные отправились к звездам, за несколько тысяч лет отказал только *один* такой кристалл! А теперь два? Сразу? На спиралеобразной орбите?

Кхала передавала эти и многие другие чувства. Великие Хранители свидетельствовали это.

— Такой катастрофы еще не было, — наконец произнесла Рохана.

Ее старшая сестра согласилась.

— Уникальная трагедия. Наш долг — разобраться в причинах этого несчастного случая, — сказала Орлана.

Самая младшая сестра покачала головой.

— Несчастный случай? — Скорее, саботаж, — сказала Шантира.

— На двух кораблях? — спросила Орлана.

— Вот именно. Подумай о вероятности. Одна такая авария могла произойти случайно. Две, с небольшим интервалом, могли быть кем-то подстроены.

Все три затихли. Они же Великие Хранители. Экипажи еще живы. Их чувства откроют всю правду. Сестры погрузились в Кхалу, изучая каждый всплеск и каждое течение эмоций. Во всех чувствах, обуревавших членов экипажей, не было ни одного признака, указывающего на злорадство. Ни одного намека на удовольствие. Все боролись за выживание. Ощущения саботажника *хоть как-нибудь* должны были отличаться от чувств всех остальных.

Проанализировав факты, Шантира спокойно признала свое поражение.

— Это не саботаж, — резюмировала она.

Нейтронная звезда притягивала к себе корабли. *Решимость. Разочарование.* Нет, так не закончится. Так быть не должно. Нужно найти решение. В течение нескольких часов экипажи отчаянно метались по кораблям. Все было напрасно. Сила гравитации была неумолима. Температура начала повышаться — системы термоизоляции уже не справлялись с нагрузкой. Крылья кораблей светились от звездного излучения. Скоро щиты откажут, и тогда всех ждет мучительная смерть.

Появился всплеск новых эмоций. Они возникли у одного фазового кузнеца, а затем, словно лесной пожар, перекинулись по Кхале на остальных. *Ужас. Отчаяние.* Обнаружилась причина: пустяк, небольшой дефект в системе сброса избыточной энергии через крылья корабля при маневрировании в необычно мощном гравитационном поле. Возник эффект обратной связи и энергетический импульс попал в кристалл корабля и уничтожил его. А когда два корабля соединились, из-за того же дефекта разрушился и второй кристалл.

Не саботаж, а случай с вероятностью один на миллиард — в самый неподходящий момент, на орбите не нанесенной на карты нейтронной звезды. Только там, в таком сильном гравитационном колодце, этот дефект мог стать фатальным.

И теперь сомнений не осталось даже у самых оптимистично настроенных членов экипажей: он *станет* фатальным. Других кораблей протоссов поблизости не было. Имперская сеть искривления еще не дотянулась до этой системы. Звезда поглотит их всех.

Гнев. Ярость. Эти чувства взорвались среди членов экипажей. Многие мечтали о славной смерти на поле боя — но не об *этом*. Только не бессмысленная гибель из-за несчастного случая.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила Рохана. Она была экспертом по военным делам, а не физиком. Ей хотелось услышать другие мнения. Сестры понимали это.

Шантира уже приступила к расчетам и теперь, сама не осознавая этого, выводила числа в воздухе. Наконец ее рука опустилась.

— Точка невозврата пройдена. Они не выживут, — произнесла она.

— Никто не выживет, — подтвердила Орлана. Она изучала эмоции офицеров; надежда их уже покинула.

Гнев длился всего несколько мгновений. Всех протоссов, вне зависимости от их касты, учили контролировать эмоции в трудную минуту. Без самоконтроля в Кхале начался бы хаос. Даже перед лицом неминуемой гибели ни один протосс не забудет о чести и традициях. Вскоре гнев экипажей затих. Его сменило нечто иное.

— Вот оно. — Рохана широко раскрыла глаза.

И посмотрела на сестер. Они тоже это почувствовали.

— Последнее чувство, — сказала Орлана.

Сестры ощутили его даже раньше, чем экипажи. Его ростки пульсировали в глубине Кхалы — на такой глубине, куда большинство протоссов сознательно не погружалось. Мало кто даже пробовал это сделать. Кхала сама по себе не таила в себе опасности, однако ее течения были мощными. В их глубинах было сложно сохранять сосредоточенность и равновесие, чтобы распознать каждую частицу эмоции. Это было под силу только сильнейшим разумам. Большинство Хранителей не справилось бы с этой задачей.

Вот почему эти три сестры были Великими Хранителями. Они чувствовали то, что другим было недоступно.

И то, что они сейчас чувствовали, поднялось из глубин, словно пузырь, и всего за пару мгновений распространилось по обоим кораблям.

Смирение. Последнее чувство.

Если судьба решила, что финал будет *таким* — пусть будет так. Гнев был естественной реакцией, но его отбросили в сторону. Последнее чувство заполнило каждое сердце, словно прилив, и Кхала объединила их и вознесла. Тысячи и тысячи душ одновременно приняли свою судьбу, и в космосе зазвучала песня об их последних мгновениях.

Ее услышали не только Рохана и ее сестры, но и миллионы протоссов на Айуре. Они подхватили эту песню в знак солидарности. Скоро уже все касты Айура мысленно были

вместе с экипажами двух материнских кораблей. Эта песня долетела и до других планет. И до других систем. До каждого уголка империи.

Обреченные экипажи чувствовали, что на них обращены взоры всех Перворожденных, и их души взлетели еще выше, растворяясь во всеобщем возбуждении.

Три сестры прикладывали все усилия, чтобы не присоединиться к этому хору. Рохану била дрожь от напряжения. Этот день будут вспоминать на протяжении тысячелетий. В мире не было ничего чище и прекраснее, чем последний крик Перворожденных. Когда слышишь, как вся империя сливается в едином порыве...

В предыдущий раз это случилось восемьсот лет назад во время Последней битвы Кхардаласа, а за два века до того — во время Засады у Фараная...

Нет. Проанализировать можно позже. Восемь тысяч четыреста шестьдесят три протосса скоро погибнут. Их воспоминания нужно было сохранить. При этом Великие Хранители переживут и их смерть. Смерть каждого из них.

— Это будет нелегко, — сказала Орлана.

Рохана закрыла глаза. *Умеет же Орлана все упрощать и преуменьшать.* В последний раз такие огромные потери были несколько поколений назад, и тогда Хранители сумели спасти лишь часть воспоминаний погибших. Сегодня же все иначе. И груз будет невыносимым.

Она вызвала в памяти одно из сохраненных воспоминаний. Давным-давно в горах Айура жило одно племя, которое выдержало бесчисленное множество бурь. Оно научилось выживать во время тайфунов даже на открытых плато при таком сильном ветре, который выдирал деревья с корнями. На этом примере можно было многому научиться. «Склонитесь перед ветром. Пусть он пройдет над вами, — процитировала Рохана слова вождя, обращавшегося к своим соплеменникам. Через Кхалу в сознание других Великих Хранителей полетели не только ее, но и *его* слова. — Не дайте ему вас сломать».

Рохана почувствовала, как шевельнулись ее сестры. Они последуют ее совету.

Благодаря потоку психонной энергии они, скрестив ноги, уселись в круг и парили в воздухе. Потом взялись за руки. Они открыли свое сознание для тех восьми тысяч четырехсот шестидесяти трех и постарались затвориться от всех остальных. Это, конечно, было невозможно.

Орлана стиснула руки сестер.

— Началось, — сказала она.

Экипажи стали гибнуть.

Фазовые кузнецы, менее защищенные от излучения нейтронной звезды, умерли первыми. Смерть пришла к ним не быстро. И все же они сражались с болью, поддерживали песню Кхалы, пока смерть, наконец, не подарила им облегчение. Знания фазовых кузнецов, их

опыт, каждый удар сердца — от первого до последнего — все перешло Рохане, Орлане и Шантире.

Чтобы сохраниться навечно.

Остальные члены экипажей продержались не намного дольше. Они гибли одновременно на обоих кораблях. Сила их воспоминаний, словно сокрушающая волна, накрыла трех сестер.

Рохана почувствовала, что ее сознание закружилось в вихре бури. Она не сопротивлялась. По спине стекал пот. Если внимание одной сестры рассеивалось, две другие удерживали ее на месте, пока к ней не возвращалось самообладание. Через сознание Роханы проходили целые жизни. Она цеплялась за них, пока славная песня Кхалы и агония тысяч гибнущих душ швыряли ее то вверх, то вниз.

Она склонилась перед ветром. Она не сломалась. И ее сестры тоже.

Этот всю жизнь прожил на Айуре... Этот был искалечен на планете Закул и выжил после извержения вулкана... Эта создала новую систему запуска кораблей и приступила к расширению сети искривления...

Огонь оборвал их жизни в один миг.

И каждая душа — да, *каждая* — была сохранена.

Все было кончено. Облегчение для трех сестер обернулось мощным ударом. Орлана упала на спину, при этом ноги со стуком ударились об пол. Рохана и Шантира поддерживали ее, чтобы она не потеряла сознание. Вскоре она восстановилась и снова поднялась в воздух.

— Спасибо, — поблагодарила их Орлана.

Песня в Кхале продолжилась. Империя почувствовала *смирение* экипажей. Лишь Орлана, Рохана и Шантира только что пережили восемь тысяч четыреста шестьдесят три смерти. Даже каждому члену экипажа пришлось умереть только один раз.

Сестры оставались вместе, пока не утихла боль. Это произошло не сразу.

— Они сгорели заживо, — сказала Рохана. Она рыдала. Все они рыдали.

Орлана сжала ее руку.

— Я знаю.

— Не так должны умирать Перворожденные.

— Да. — Шантира содрогнулась.

— У нас их воспоминания. Мы извлечем из них большую пользу. — Рохана медлила. Им придется неоднократно переживать эти смерти. Но это их долг. И она не уклонится от него. — Причина этой трагедии — не злоба и не глупость, а случай. Сестры, вот наша новая задача. Мы расскажем империи, что нужно сделать, чтобы это не повторилось.

— Дефект материнских кораблей исправят. Мы для этого не нужны, — возразила Шантира.

— Да. Для этого — не нужны, — ответила Рохана.

Орлана моргнула. Она поняла, к чему клонит Рохана.

— Скрытый дефект погубил могучий корабль. Ты хочешь устранить *все* скрытые дефекты.

— В следующей катастрофе может погибнуть не просто пара кораблей, — сказала Рохана. — Сегодня мы потеряли разведчиков. В следующий раз можем потерять целую колонию. Или флот. Только представьте себе, что может случиться. Может пострадать даже сам Айур.

— Этого никогда не произойдет, — возразила Орлана.

— Но вы понимаете, какая у меня цель.

Шантира начинала это понимать, но все еще колебалась.

— Предусмотреть *все* катастрофы невозможно, — осторожно сказала она. — В ходе прогресса возникают ошибки. Иногда это приводит к жертвам. Это прискорбно, но ожидаемо. Если, боясь того, что *может* случиться, мы запретим нововведения, не исключено, что это приведет к застою.

— Я не говорю, что мы можем предотвратить каждую смерть. Но каждая смерть — это урок. И не только смерть тех, кто погиб сегодня. Каждая смерть. У нас есть воспоминания всех Перворожденных, которые умерли после окончания эпохи Раздора, — сказала Рохана. — Мы выявим последовательности. Мы найдем «белые пятна» — и в прошлых жизнях, и в наших собственных. Мы все всесторонне изучим, найдем слабые места империи — и устраним их.

Ее сестры уже не колебались. У них появились новые эмоции. Сложные, смешанные с *решимостью*. Все они чувствовали боль сегодняшней трагедии. Такую боль нельзя было просто перетерпеть. Она подталкивала их к действию.

— Так мы и сделаем, — сказала Орлана.

Шантира замерла.

— Никто еще не считал случай своим врагом. Никто. В нашей истории такого еще не было. — В ней появилось что-то похожее на мрачную радость. — Мы же войдем в историю, если победим его, да?

Часть вторая

Потребовалось так много времени на то, чтобы создать его, на то, чтобы довести до совершенства. И теперь он был готов.

Орлана первой ступила на мостик. Она была так взволнована приземлением, что почти побежала. Ее ноги не касались земли уже много веков — с той самой катастрофы на кораблях.

— Невероятно, — шепнула она. Ее сестры чувствовали то же самое. Орлана развела руками над головой, словно говоря: «Посмотрите на все это».

Это был первый корабль в своем роде. Первый корабль-ковчег.

— Вот какой след в истории мы оставим, — негромко сказала Шантира.

Название корабля отсылало к старым временам, когда примитивные Перворожденные еще возделывали почву своими руками и охотились. Те, кто много тысяч лет назад стал ходить по океанам Айура, научились уважать ветра и волны. За несколько минут погода могла перемениться, вызвать шторм и потопить утлые суденышки. Те древние племена строили большие корабли — ковчеги, на которых все могли бежать от бури.

«Так будет и на этот раз», — подумала Рохана. Теперь, когда у них появятся новые ковчеги, протоссы перестанут бояться штормов. Раз и навсегда. Не просто потому, что у ковчега была система вооружения — пусть даже значительная, и не просто потому, что на него установили самую новейшую технику.

Полностью укомплектованный ковчег в одиночку мог выиграть войну. Или эвакуировать колонию — целую звездную *систему* с колониями и форпостами — это позволяли сделать огромные залы со стазисными камерами. Он мог лишиться энергии и дрейфовать в течение нескольких веков — и его команда все равно не погибла бы. Длина ковчега была около сотни километров, ширина — десятки километров, и тем не менее он был удивительно маневренным. Каждый день такой корабль мог одновременно создавать эскадрилью разведчиков, вести бесконечную битву в космосе и телепортировать в безопасное место мирных жителей. Каждая система была продублирована. Корабль спроектировали так, чтобы он мог выжить в любой возможной катастрофе, в любой войне. Конклав высоко оценил этот замысел и вложил в его осуществление всю волю империи Перворожденных.

Радость Орланы усиливалась, пульсируя в Кхале. Она всегда любила архитектуру.

— Ты была права, Рохана, — сказала она. — Стены. Я думала, что от них будет один вред. Но смотри! — Здесь, на мостике, стены были из чистой энергии. Невидимые. У капитана будет прекрасный вид на поле боя. Вокруг них до горизонта тянулись огни Айура, а над ними мерцали звезды. — Это просто чудо.

Сколько битв за всю историю было проиграно только потому, что военачальник не обладал подробной, достоверной информацией о ситуации на поле боя? *Скорее всего, почти все.*

Умный командир всегда сам проверяет то, о чем докладывают ему подчиненные. Кхала передает только эмоции. Неопытный воин мог неправильно оценить обстановку.

— Вся слава должна достаться не мне, а твоей младшей сестре, — сказала Рохана. — Если бы не она, фазовые кузнецы никогда бы не закончили этот проект.

Рохана почувствовала сдержанные эмоции Шантиры. *Гордость. Удовлетворение.* Технологии, на основе которых был построен этот корабль, действительно появились благодаря ей. Кхалаи-рабочие, конечно, лучше разбирались в инженерном деле, но у нее были воспоминания мастеров, а блестящие познания в физике позволяли ей зачастую оспаривать их идеи. Чтобы добиться успеха, им нужно было убедить ее. Они прославились благодаря ей.

К сестрам подошел член Конклава, судья по имени Мардонис.

— Вы спуститесь к нам на церемонию запуска? — спросил он.

— Разумеется, — ответила Рохана. Это был исторический момент. Долг Великих Хранителей — стать его свидетелями.

Мардонис повел их вглубь ковчега. Он уверенно шел вперед, они следовали за ним. Преодолев многометровые коридоры, они добрались до центрального отсека, где находилось лишь несколько панелей управления, а над ними — огромный шар. Даже здесь, в центре корабля, были видны звезды, сияющие над Айуром. Но эти звезды не интересовали ни Хранителей, ни Мардониса, ни Конклав, ни фазовых кузнецов, ни единственного среди присутствующих воина.

Звезды были далеко.

А прямо здесь скоро должна была родиться новая звезда.

Мардонис сделал знак воину.

— Адун, ты окажешь нам честь? — спросил он.

Адун прижал кулак к груди.

— Спасибо, судья. Он подошел к фазовым кузнецам. Один из них протянул ему зазубренный кусок соларита. Рохана прищурилась. Этот материал был слишком опасен, чтобы давать его кому попало; она могла припомнить десятки случаев, когда подобные действия привели к катастрофе.

Взрывы соларита уничтожили не менее восемнадцати космических кораблей... Восемь веков назад из-за него сгорела дотла целая деревня...

Шантира коснулась ее плеча. Рохана сбросила руку и помешала ей успокоить себя в Кхале.

— Это глупо, — тихо сказала ей Рохана.

— Соларит становится нестабильным только под большим давлением, — объяснила Шантира. — И только в некоторых случаях. Скажем, в одном из пяти.

— Спокойнее мне от этого не стало.

— Подумай вот о чем, — полушутя сказала Орлана. — Если он взорвется, мы умрем быстро и безболезненно. Это будет достойная смерть.

Рохана промолчала, но ее настроение немного улучшилось.

Адун, разумеется, заслужил эту честь. Среди живущих командиров мало кто мог сравниться с ним. Но Рохана относилась к нему не так, как ее сестры.

Они его уважали, восхищались им. Она же была настроена подозрительно. Командиры могут быть *слишком* умными. *Находчивые лидеры гибнут, когда удача отворачивается от них.* Один невероятно находчивый командир, например, попытался оттащить терпящий бедствие корабль от нейтронной звезды. Блестящая идея, которую погубил скрытый дефект.

От воспоминаний об этом ей до сих пор было не по себе. Странно. Ведь решение проблемы было прямо перед ней. Ее сомнения уже должны были испариться. Она отстранилась от своих чувств. Нельзя, чтобы неприятные сомнения вторгались в чужие мысли.

Адун поместил соларит у основания огромного шара. И отступил.

Соларит вспыхнул. Над ним засиял огромный шар. С грохотом солнечное ядро ожило, негромко загудело. Невероятно яркий свет и мощный жар были надежно скрыты за его оболочкой. Ковчег задрожал. Затем пришел в движение. С невероятной легкостью он взмыл вверх. И через несколько минут покинул атмосферу Айура, выйдя на стабильную орбиту.

Такова была мощь солнечного ядра. Искусственной звезды. Она обеспечит энергией все системы корабля, от нее будет зависеть жизнь тысяч солдат и членов экипажа в течение неисчислимого количества лет.

Этот ковчег был настоящим чудом. Мардонис даровал кораблю имя «Копье Адуна».

После окончания церемонии Адуна телепортировали к его флоту. Конклав остался, чтобы побеседовать с Великими Хранителями.

— Мы не смогли прийти к соглашению, и поэтому нам нужен ваш совет, — сказал Мардонис. Все вернулись на мостик. Теперь, когда корабль вышел на орбиту, собравшимся казалось, что Айур медленно вращается у них над головами. — Этот ковчег такой, каким вы хотели его видеть? Бастион, защищающий от непредвиденных катастроф?

— Несомненно, судья, — уверенно ответила Орлана.

— Мы уже приступили к созданию еще двух. А что будет потом? — спросил Мардонис. — Сколько таких кораблей нам нужно?

Рохана моргнула. *Удивление. Смятение.*

— Не понимаю.

Мардонис объяснил. Строительство каждого ковчега требовало такого невероятного количества ресурсов, что другие проекты — например, создание колоний в новых звездных системах — пришлось отложить.

— «Копье Адуна» может вести войну в одиночку, даже против врага, который равен нам по силам. — Он развел руки в стороны. — Равных нам нет. Никто не может бросить вызов нам, Перворожденным.

— Ни сегодня. Ни через год. Ни через сто лет. — Рохана стала вызывать в памяти воспоминания былых поколений. Несколько из них она запустила в Кхалу, чтобы Мардонис понял, что она имеет в виду. — Для великой силы главную опасность представляет неожиданное нападение. Да, ты прав: «Копье Адуна» — это наш бастион. Но он не может быть повсюду одновременно. Чем больше у нас таких ковчегов, тем выше уровень безопасности. Три — хорошо. Но больше было бы еще лучше.

К своему удивлению, она почувствовала, что сестры с ней не согласны. Она повернулась к ним.

— Вы считаете иначе?

Шантира наклонила голову.

— Рохана, ты говоришь о войне, которая начнется через несколько тысяч лет. А они — о коварном враге под названием «истощение». Если мы потратим на эти корабли слишком много ресурсов...

— У нашей империи достаточно ресурсов.

— Их хватит на сегодня. На год. На сто лет. — Шантира говорила негромко, чтобы упрек был не столь обидным. Но не только для этого. — Но если в один прекрасный день их не хватит, нас не спасет и целый флот ковчегов. Нам нужны ресурсы колоний. Боевая мощь не может решить всех проблем. И наша сеть искривления — тоже. Чем выше число колоний, тем больше у нас путей к отступлению — если когда-нибудь нам придется отступать.

Орлана подняла руку.

— Все должно находиться в равновесии. Конклав задал вопрос, на который мы не можем ответить сразу. Мы должны его обсудить. На это уйдет время, — предупредила она Мардониса.

Судья сделал одобрительный жест.

— Наша империя может построить еще два ковчега без лишнегонапряжения. Мы просим вашего совета только насчет остальных. Мы вас не торопим.

— Значит, наш ответ будет продуман, — сказала Орлана.

— Да, — отозвалась Рохана. Однако легкое сомнение в ее душе не исчезло. Возможно, именно эта задача позволит вырвать его с корнем.

Часть третья

Шли годы. Великие Хранители исследовали воспоминания. Вопрос о ковчегах был сложным. Искать ответ на него нельзя было ни в одном конкретном историческом отрезке. Они заново переживали войны. Катастрофы. Великие открытия. Все, что могло бы указать им правильный путь.

Поначалу Рохана считала, что Перворожденные должны построить как можно больше ковчегов. В этом случае даже уничтожение целого корабля не поставило бы под угрозу выживание протоссов. Теперь она уже не была так уверена в этом. У нее было слишком много воспоминаний о том, как безрассудно храбрые лидеры опрометчиво расходовали ресурсы и потом расплачивались за это.

Кроме того, были и практические соображения: со времени постройки «Копья Адуна» прошло более ста лет, но он еще не участвовал в боях. Ни разу. Все это время корабль лишь сопровождал колонистов, летящих осваивать новые планеты. В этом отношении ковчег оказался удивительно полезным. Но зачем создавать все больше оружия, если сражаться уже не с кем? Может, трех ковчегов будет достаточно. А может, и нет.

Ответ на этот вопрос она пока не знала.

Но на решение этой проблемы ни она, ни ее сестры не тратили много времени. Они же Великие Хранители. Им нужно было готовить учеников. Сохранять воспоминания.

И давать советы.

***

Орлана даже не пыталась скрыть своего разочарования.

— Это глупый план, он обрекает твоих подчиненных на смерть, — сказала она напрямик.

— Мы не боимся смерти, — ответил глава колонии, отчаянно жестикулируя. — И мы верим в то, что он сработает. *Решимость. Упрямство.* Опасная комбинация, если речь идет о том, чтобы рискнуть жизнью. — Температура на этой планете не такая уж низкая. По нашим данным, она поднимается даже до 1,3 градуса!

То есть до одного целого и трех десятых градуса выше абсолютного нуля. Даже в открытом космосе было теплее.

— Ваша техника откажет, и вы замерзнете, — сказала Орлана. — Но даже если этого не произойдет, вам все равно суждено умереть до срока.

— Почему?

Она выбрала воспоминание и запустила его в Кхалу, чтобы глава колонии тоже мог его пережить.

...Великий исследователь первым поднялся на самый высокий пик Айура и первым нанес на карту его океаны. Его обуревало неутолимое желание увидеть еще невиданное, изучить еще не открытое. Однако он всегда путешествовал в одиночку. На этом он настаивал. Он знал, что когда-нибудь столкнется с трудностями, которые не сумеет преодолеть, — и ему не хотелось, чтобы кто-то погиб по его вине. И действительно, он встретил свою смерть в пещерах Срединных гор, когда землетрясение пробудило бесчисленные тонны камней, раздавившие его в одно мгновение...

— Это желание всегда будет с тобой, — сказала Орлана. — Ты захочешь подвергать себя все большему риску. В этом нет ничего дурного. Перворожденные прославляют таких, как ты. Испытывая себя на прочность, ты показываешь всей империи, на что мы способны. Но ты еще не осознал, что по этой дороге ты должен идти один. — Она поместила в Кхалу еще несколько воспоминаний об исследователях, которые погибли, странствуя по неизведанным землям. — Высадись на эту планету, если тебе это необходимо. Но пусть твои спутники следят за этим с орбиты. Не позволяй им разделить с тобой этот риск. Если ты попросишь их сопровождать тебя, гордость и благоговение перед тобой заставят их это сделать. Не проси их об этом.

Увиденное потрясло главу колонии, но он не отступал.

— Великий Хранитель, не все должны погибнуть в бою. Если мне суждено погибнуть в этих неизведанных землях — пусть будет так. И мои последователи думают так же, как и я.

Орлана не сдавалась.

— Так ли это? Я чувствую их мысли. Они восхищаются твоими убеждениями, но не разделяют их. Они пошли за тобой ради славы. Они не понимают, какому риску ты их подвергаешь.

Глава колонии поблагодарил ее.

— Я подумаю над твоими словами. — Орлана понимала, что он не изменит своего решения, и знала, что у нее нет власти над ним. Он вправе отвергнуть ее совет, если захочет.

Через год она почувствовала, что те восемнадцать душ отправились в экспедицию. Они высадились на той бесплодной, ледяной планете. Двенадцать дней спустя их техника отказала.

Опечаленная, она сохранила и их воспоминания. Еще одно предостережение.

— Всегда найдутся те, кто готов последовать за глупцом, — сказала Орлана сестрам. — И всегда найдутся глупцы, готовые повести их за собой.

Это ее беспокоило, но почему — понять она не могла.

***

Тамплиер — главный наставник — подошел к ним и встал на колени. Он дрожал. Его мысли и чувства путались.

— Я страшусь перемен, — сказал он, — и это может погубить нас всех.

Традиции сурового воспитания воинов передавались у протоссов из поколения в поколение. Наличие воинских качеств у тамплиеров проверяли в самом юном возрасте. Тех, у кого был силен дух, высшие тамплиеры учили пользоваться псионным оружием. А тех, кто был одарен физически, обучали искусству фехтования и боевым танцам.

Кое-кто предлагал объединить две эти школы. Тогда зилоты-воины смогут пользоваться псионной силой. А высшие тамплиеры смогут постоять за себя и в рукопашной. Возможно, когда-нибудь различия между ними полностью исчезнут. Тогда останется только один метод подготовки воинов.

Главный наставник был против этого. Однако после многолетних споров с философами и юными дарованиями его воля ослабла.

— Для новых войн понадобится новая тактика, — печально сказал он. — Возможно, я не прав. В моей власти воспрепятствовать переменам, но если я ошибусь, то противник опередит наших воинов в развитии. И они не подготовятся к будущим войнам.

Все три сестры присутствовали при этом разговоре, и все три быстро пришли к одному и тому же решению.

— Великий наставник, — сказала Рохана, — не сдавайтесь.

Он посмотрел на нее.

Рохана показала ему не одно воспоминание, а десятки. Битвы. Зилоты, ставшие прекрасными воинами. Высшие тамплиеры, в одно мгновение меняющие ход всей войны.

— Смотри, как они передвигаются, как они думают, — говорила Рохана. — Смотри, как они сосредоточены. Они добыли победу в невероятных обстоятельствах, потому что полностью реализовали свои таланты. Они не тратили время на тренировки, стараясь освоить то, что им не свойственно. Их таланты огранили, в них зажгли огонь праведного гнева в соответствии с их способностями и природными склонностями. Их готовили такие же мастера, как и ты. Войны действительно приводят к появлению новой тактики. Но адаптироваться может только прекрасно обученный воин. Те, кто осознает свой потенциал, знает, как его использовать.

— И что самое важное, — добавила Орлана, — для нас, Перворожденных, традиции то же, что для здания — фундамент. Если мы пренебрежем ими, все непременно рухнет.

Рохана кивнула. Ей вспомнилось высказывание философа древности. Она поделилась этим воспоминанием со всеми. — «Не ветер валит дерево, но невидимая гниль, поразившая корни», — процитировала она.

— Ясно. Я понимаю. — Наставник повеселел. Уныние сменилось облегчением. — Благодарю вас, Великие Хранители.

Рохана почувствовала, что он вернулся к своим обязанностям. Новые философские учения постоянно бросали ему вызов, но он держался. Он хранил верность традициям.

— Всем Перворожденным есть, чему у него поучиться, — сказала она сестрам. Однако этот случай не давал ей покоя. Не всегда найдется такой, как он — защитник традиций.

И этот день может очень дорого обойтись протоссам.

***

Шантира общалась с десятком фазовых кузнецов уже более месяца. Они сидели перед ней, погруженные в бесконечный поток воспоминаний мастеров прошлого. Сейчас им не нужно было преодолевать никаких кризисов. Они просто любили учиться. А Шантира обожала учить.

Рохана и Орлана ей в этом не препятствовали. Но когда фазовые кузнецы ушли, Шантира была чем-то обеспокоена.

— Возможно, они случайно нашли ответ на вопрос о ковчегах, — сказала она.

Это привлекло внимание сестер.

Они уединились в укромном месте, подальше от просителей.

— Говори, сестра. Мы слушаем, — сказала Рохана.

Шантира собралась с мыслями. Было видно, что она разочарована.

— Ответ был. Я это знаю. Почему же я не могу его извлечь? — Она с тоской посмотрела вверх. — У меня был ответ. Но я его потеряла. Ничего не понимаю.

— Начни с начала, — посоветовала Орлана. — Мы поможем тебе его найти.

Фазовых кузнецов привлекли воспоминания легендарных изобретателей из касты кхалаев. Определенные открытия были сделаны только потому, что просвещенные умы посмели бросить вызов устоявшимся стереотипам. Один такой случай произошел недавно: некий фазовый кузнец разработал систему быстрой телепортации материнских кораблей. Этот уникальный метод позволял «массово телепортировать» материнский корабль и находящиеся рядом силы в безопасное место, подальше от угрозы. Таким образом, несчастный случай, в ходе которого почти одиннадцать веков назад погибли два материнских корабля, повториться уже не мог.

Шантира прервала объяснения. Повисло молчание. Ее досада снова усилилась.

— Ответ здесь. Он где-то здесь, он плавает в Кхале, и *я не могу его найти.* Зачем ответу *намеренно* прятаться от меня?

Разумеется, он не прятался.

— Когда гибли эти корабли, был настоящий хаос. Сложно так быстро просмотреть столько воспоминаний, — сказала Орлана.

— Дело не в этом. — Шантира скорчила гримасу. — У меня такое чувство, что в Кхале есть какое-то существо, и оно не хочет, чтобы я узнала ответ.

Они все знали, что никакого существа там нет, но это было неважно.

— Где истина, Шантира? В воспоминаниях членов экипажей или дальше в прошлом? — спросила Рохана.

— Дальше. Гораздо дальше. — И тут ее глаза широко распахнулись. — Хас. Точно. Великий Хас.

Это имя знал каждый протосс. Хас — тот, кто впервые с помощью Кхалы объединил воюющие между собой племена. Без него вся раса погибла бы в огне гражданской войны.

— Зачем фазовым кузнецам понадобились воспоминания Хаса? — спросила Орлана.

— Он — первый и главный образец возвышенного разума, — ответила Шантира. — Он увидел то, что другие не могли даже представить себе. Так он объединил наши чувства. Именно подобное предвидение позволило нам совершить величайшие открытия и повело нас к звездам. — Ее разочарование исчезло без следа. — Вот он, ответ. Мы обсуждали, как ковчеги помогут нам предотвратить трагедию. Но они нужны не для этого. Хас бы подумал о другом. Хас не *предотвратил* гражданскую войну, а позволил нам пережить наше варварство.

Орлана успокоилась.

— Всегда найдутся те, кто готов последовать за глупцом, — пробурчала она.

Рохана обернулась к ней.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что Хас был глупцом.

— Нет, — отрезала она. — Среди них только он обладал мудростью. Сестры, мне уже много лет не дает покоя одна мысль. Очень простая мысль: мы, Перворожденные, не застрахованы от неверных решений. — Орлана отмахнулась от возражений, которые должны были последовать. Эта мысль не была особым откровением: ведь если бы протоссы не совершали ошибок, они бы не нуждались в Великих Хранителях. — Когда ты упомянула о Хасе, я могла думать только об одном — о проблемах, с которыми он столкнулся. — Она закрыла глаза. — Война, которую развязали идиоты, возомнившие себя мудрецами. Они считали, что их помыслы чисты, они повели народ на бойню. Чтобы найти верное решение, нужно было резко изменить точку зрения. И Кхала объединила нас так, что даже глупцы не смогли разрушить связи между нами. Шантира, ты права. Мы не так подошли к вопросу о ковчегах.

Шантира пошла на попятную. Очевидно, ей казалось, что здесь кроется изъян в логических построениях.

— В наше время гражданская война невозможна. Но меня пугает сама мысль о том, что в ней могли бы участвовать ковчеги.

Эта мысль действительно ужасала.

— Орлана, ты же не это имеешь в виду? спросила Рохана.

Среди эмоций Орланы появилась неуверенность — не в своей идее, но в том, как к ней отнесется ее народ.

— Я не могу себе представить новый раскол Перворожденных. Но мы же знаем, что в нашей истории происходили страшные события. Мы думали, что ковчеги — наше средство против небольших дефектов.

— Катастрофа с материнскими кораблями, — напомнила Шантира.

— Да. Мы *этого* боялись. Того, что небольшой дефект уничтожит нечто великое. Но эпоха Раздора началась не из-за него. Она была вызвана бесконечной чередой мелких конфликтов, из-за которых нас даже бросили зел-нага.

Рохана поняла, к чему клонит Орлана, и внезапно ей стало дурно. *Не ветер валит дерево, но невидимая гниль, поразившая корни.* Она решительно отвергла второй смысл, скрытый в словах Орланы. Она должна была это сделать.

— Протоссы выше этого. Кхала и наши традиции не позволят нам снова пасть так низко. Это просто невозможно.

Внезапно от Шантиры стал исходить страх.

— Нет, Рохана. Это не просто возможно. Это неизбежно.

— Что?

— Рано или поздно мы оступимся. Непременно. С точки зрения математики это неоспоримо, — сказала Шантира. — Мы мечтаем о том, чтобы империя протоссов существовала вечно. Но мы знаем — *знаем* — все скрытые дефекты устранить невозможно. Мы думали о том, как справиться с последствиями отдельных катастроф. Мы не думали о том дне, когда Перворожденные окажутся на грани уничтожения. Может, мы сами загоним себя в такую ситуацию. Может, это сделает враг. Но этот день обязательно настанет.

В комнате воцарилось долгое молчание. Каждая сестра чувствовала, как в других закипает страх и сомнение.

Орлана заговорила первой.

— Ковчеги. Они по-прежнему — решение проблемы.

— Я в этом не уверена, — возразила Шантира.

— Должен выжить хотя бы один ковчег, — сказала Орлана, — и тогда нашей цивилизации не страшны катастрофы, даже уничтожение всех планет Перворожденных. Тогда наш народ сможет скитаться среди звезд, пока не найдет тихую гавань, где можно построить новый дом. Мы не предполагали, что он понадобится в такой жуткой ситуации, однако он выполнит задачу и в этих условиях.

— Возможно, — неуверенно отозвалась Шантира.

Рохана слушала их, борясь со своими чувствами, рвущимися наружу. *Решимость. Разочарование.* Мысль о том, что исчезновение твоей расы неизбежно, приводила в ярость. «Должен быть другой выход, — подумала она. — *Нам уготована совсем другая судьба».*

Внезапно она поняла: *именно об этом думали экипажи тех кораблей.*

Новое чувство — отчаяние — наполнило ее так внезапно, что сестры умолкли.

— Рохана? — негромко спросила Орлана. — Что случилось?

— Минутку, — отозвалась Рохана. — Мне нужно немного времени.

Они ждали. Рохана перестала бороться со своими чувствами. Она позволила им освободиться и бушевать внутри. Ее сестры были рядом — вместе с ней и в Кхале. Их сочувствие стало для нее якорем среди хаоса. Она выживет.

Но объяснять она ничего не хотела. Ей в голову только что пришло страшное, страшное решение, и, озвучив его, она примет на себя ответственность за результат. *Гнев. Отрицание.* Должен быть другой выход.

Но его не было.

Наконец Рохана заговорила.

— Мы построили ковчеги слишком рано.

Сестры смотрели на нее, ожидая объяснений. Они чувствовали ее боль. Ей было неприятно, что она будет вынуждена ею поделиться.

— Ты права, Орлана, — продолжила Рохана. — Один ковчег обеспечит выживание нашего народа. Но сколько бы их ни построили, не выживет ни один. Когда наступит конец света, как мы отреагируем? Мы пошлем в бой ковчеги, все до одного. — Рохана отправила по Кхале сестрам картинки из жизни предков. Гордые, храбрые воины, все как один. Каждый из них считал, что победа возможна — даже если их шансы были невероятно малы. Гордость была главным достоинством протоссов — и их главным проклятием. — Перворожденные не отступают. Никогда. Ковчеги погибнут напрасно, потому что мысль о возможном поражении придет в голову их капитанам слишком поздно. — *Когда гравитация вцепится в них крепкой хваткой, и точка невозврата уже будет пройдена.* — И когда ковчеги сгорят, с ними сгорят и все надежды нашего народа. Наша культура, наша империя, наш народ — все это сгорит.

Шантира и Орлана тщательно обдумывали ее слова. Рохана чувствовала, как они ведут поиски среди сохраненных воспоминаний — ищут что-нибудь способное опровергнуть ее аргументы. Она мечтала о том, чтобы им это удалось.

Но этого не произошло. Если победа была недостижима, протоссы искали славы в смерти. От этого принципа воины-Перворожденные не откажутся никогда. Если появится действительно непобедимый враг, вариант с отступлением ковчега даже не будут рассматривать.

— Рохана, я чувствую, как ты страдаешь, — сказала Орлана. — Ты нашла решение, и оно причиняет тебе боль.

— Я надеюсь, что найдется другой выход, — отчаянно произнесла Рохана. — Я молюсь всем нашим предкам, что ты найдешь решение, которое не разделит нас.

Внезапный импульс удивления пронесся по Кхале, и Рохана ощутила его, словно сильный удар.

— Что вообще может нас разделить? — спросила Орлана.

Рохана рассказала им — что.

На споры и размышления они потратили несколько дней. И когда все закончилось, у них осталось лишь одно чувство. Последнее чувство.

Смирение.

Часть четвертая

Конклав пребывал в нетерпении. Через столько лет наконец получить ответ относительно ковчегов — это был просто дар небес. Однако Великие Хранители выглядели хмурыми и печальными. Их настроение быстро распространилось на остальных.

И тогда сестры объяснили свою позицию, подкрепив ее яркими воспоминаниями.

— Это просто математика и теория вероятности, — резюмировала Шантира. — Придет день, когда ничто — даже ковчег — не спасет нас от истребления.

Члены Конклава переглянулись. *Шок. Оцепенение.* Их предыдущие чувства — *отрицание, упрямство* — растаяли под грузом бесчисленных воспоминаний. Наконец заговорил Мардонис.

— Кое-кто назвал бы вас фаталистками, — сказал он.

— Да, в данный момент мы являемся именно фаталистками, — спокойно ответила Орлана.

Рохане пришлось подавить в себе внезапный приступ веселья. Эта эмоция совсем не сочеталась с общим настроением.

— Но ведь наши ковчеги — это воплощение силы. Почему они погибнут? — спросил Мардонис.

— Мы не воспользуемся ими с толком, — ответила Рохана. — Мы используем их для того, чтобы отдалить час трагедии, которую могли бы пережить. Мы можем потерять тысячу материнских кораблей, и при этом наша раса все равно не погибнет. Мы можем потерять тысячу колоний, но надежда на спасение у нас все равно останется. Но ты же сам сказал давным-давно — эти корабли требуют невероятно огромных инвестиций. У нас уже есть три? Отлично. Их мы сохраним. Но другие нам не нужны.

Члены Конклава услышали главное из ее слов: *сохраним.* Все прекрасно поняли, что оно означает — ведь перед ними стояли три Великих Хранителя.

— У вас есть план? — спросил Мардонис.

— Да.

— И он позволит сохранить ковчеги до того, когда они понадобятся сильнее всего?

— Вот именно, — ответила Рохана. — «Копье Адуна» не предназначено для перевозки колонистов. Этот корабль должен появиться, когда исчезнет последняя надежда. Он должен нанести удар по врагу, который собирается нас уничтожить.

— Но как? — спросил Мардонис.

— Ковчеги нужно спрятать в надежном месте. К ним должен быть доступ. И они должны взлететь не раньше, чем это станет необходимо, — ответила Рохана. — Возможно, самое

простое решение является и самым лучшим. Их нужно похоронить — аккуратно — и создать механизмы, которые позволят отправить их к звездам.

Старейшины получили мнение Хранителей. Теперь они должны были его обсудить. Так они и сделали — в течение многих лет и десятилетий. Три сестры присутствовали на каждой встрече. Принятие решения по подобному вопросу требовало времени.

Но в конце концов Конклав пришел к тому же выводу, что и Великие Хранители. Затем старейшины приступили к разработке конкретных планов.

— В эти тяжелые времена нам понадобится армия. На этих кораблях мы сможем хранить тысячи воинов в стазисных камерах, — сказал командир высших тамплиеров. Все с этим согласились.

— И нас тоже, — добавила Рохана.

Вот оно. Ее слова заставили Конклав умолкнуть. Кхала задрожала от удивления.

«Порог пройден. Возврата нет», — подумала она.

— Ковчегов три, — объяснила Орлана. — И нас тоже три.

— Когда наступит конец времен, понадобятся наши советы, — сказала Шантира.

— И, — добавила Рохана, — мы должны сберечь нашу историю и традиции.

Пожилая судья поднялась, сверкая глазами.

— Если наступит конец времен, то это будет... невероятный хаос. Не каждый ковчег выживет. Не все вы проснетесь, — сказала она.

Орлана кивнула.

— Да.

— Это ничего не меняет?

— Абсолютно ничего, — подтвердила Рохана. — Наш долг — сохранять. Мы готовы. А вы?

***

Все три ковчега захоронили на Айуре. Это была колоссальная задача. Никто никогда еще не копал карьеры глубиной в десятки километров. Но в конце концов с этим справились.

Теперь под тремя разными городами Айура были закопаны три огромные стартовые «люльки». Если произойдет катастрофа, ковчеги смогут быстро покинуть планету.

На их подготовку ушли годы. Великие Хранители передали свои знания другим Хранителям, чтобы их знания не пропали, даже если ни одна из них не проснется. В то время сестры редко расставались.

Но сейчас все должно было измениться. Ковчеги были переведены в режим сна; их солнечные ядра потускнели, и лишь в залах со стазисными камерами все еще слабо пульсировали потоки энергии.

Не оглядываясь, Шантира вошла в «Гордость Алтариса». *Спокойствие. Решимость. Смирение.* — Когда мы проснемся, все будет совсем по-другому, — сказала она. Час спустя она погрузилась в сон и исчезла из Кхалы.

Ее отсутствие причинило Рохане такую боль, словно Шантира умерла. Орлана ощущала то же самое.

— Мы даже не сохранили ее воспоминания, — печально сказала она.

На следующий день Орлана прибыла на «Память Незина». Она спустилась на землю и вошла внутрь.

— Прощай, сестра, — сказала она.

— Прощай. — Рохана не двинулась с места, ничем не выдав своих эмоций.

А когда Орлана заснула, Рохана издала страшный крик, и он разлетелся по Кхале.

Ее боль нарушила спокойствие Айура, потрясла всю планету. В ответ на нее нахлынула волна сочувствия — несмотря на то, что никто не знал, почему она плачет. Это ей не помогло.

Хранители изучали прошлое; предсказывать будущее они не умели. Так почему Рохана была так уверена в том, что она проснется, а ее сестры — нет?

Она молилась предкам, надеясь, что они ее услышат. *Позвольте мне умереть. Пусть они выживут. Это была моя идея.* Она могла бы ускорить заморозку и обрести спокойствие во сне. Но она отказалась от этой мысли. Рохана не собиралась прятаться от боли. Она примет ее и будет рада ей. Каждый шрам на сердце станет воспоминанием о сестрах, о том, как они были близки.

Если она когда-нибудь проснется, то только в конце времен. Она должна быть готова к этому. Ее разум будет спокоен. Задачи — ясны.

Когда боль стихла, осталось лишь одно, последнее, чувство. *Смирение.*

В одиночестве она отправилась на «Копье Адуна». На борту корабля было тихо. Когда она проснется — если проснется — тишины, разумеется, уже не будет. Рохана прошлась по кораблю. Ненадолго заглянула в зал военного совета. «Это произойдет тут», — подумала она. Именно здесь они с капитаном ковчега будут решать, как спасти свой народ от полного уничтожения.

Рохана вышла из зала и отправилась к стазисным камерам. Во тьме она едва могла разглядеть тысячи их обитателей. Недостатка в добровольцах не было. Стать частью последней армии Перворожденных? Последним бастионом надежды? О такой возможности

многие зилоты могли только мечтать. Даже главный наставник тамплиеров стал одним из добровольцев. Он позаботился о том, чтобы каждый воин последней армии был готов к бою.

Рохана заняла свою камеру. Дверь за ней закрылась. Пространство наполнил прохладный туман, и мысли Роханы рассеялись. Она думала о том, кто будет командовать протоссами, когда она проснется. Она думала о том, будут ли эти лидеры готовы к выпавшим на их долю испытаниям.

Если нет...

То я их подготовлю.

Прощайте, сестры.